

Белокрылова О.С., Корытцев М.А.

ПОЛУЧЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕНТЫ И МИНИМАЛЬНАЯ ГРАНИЦА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ТЕНЕВЫХ СДЕЛОК В СФЕРЕ РАЗМЕЩЕНИЯ ГОСЗАКАЗА

Традиция исследования оппортунистического поведения бюрократии в экономической и в других социальных сферах (например, в политической) была заложена в 1960-70 гг. представителями новой институциональной теории (Дж. Бьюкенен, [6] Г. Таллок, [15] Р. Нисканнен [11; 12]). Эти исследователи исходили из того, что действующие факторы в своём поведении склонны преследовать, прежде всего, свои интересы. Эта предпосылка традиционно использовалась при анализе поведения рыночных агентов в экономике, однако заслугой исследователей новой волны институционализма стало стремление применять элементы экономической методологии для изучения нетрадиционных для рыночной экономики сфер – в том числе поведения государственных служащих.

Традиционно оппортунистическое поведение в экономической теории трактуется как склонность экономических агентов, обычно участников контрактных отношений, нарушать контрактные соглашения [16, с.172; 14]. Однако в случае с анализом поведения бюрократии оппортунистическое поведение воспринимается как отклонение чиновников от выполнения своих должностных целей или функций, либо попытки использовать служебное положение в корыстных целях. В последнем случае чиновник может стремиться к получению дополнительного дохода, благодаря занимаемому им должностному положению [13, с.381-382; 16, с.605]. Такое поведение характеризуется в западной экономической теории также понятием «поиск

БЕЛОКРЫЛОВА ОЛЬГА СПИРИДОНОВНА, д.э.н., профессор, зав. кафедрой экономической теории Южного федерального университета, руководитель Пилотного центра госзакупок ЮФУ, заслуженный деятель науки РФ.

КОРЫТЦЕВ МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ, к.э.н., ст. преподаватель кафедры экономической теории Южного федерального университета, докторант кафедры экономической теории Южного федерального университета, преподаватель Пилотного центра госзакупок ЮФУ.

административной ренты» (“administrative rent-seeking”). Этот подход обладает высокими разрешающими способностями при анализе особенностей поведения госслужащих в сфере государственных закупок с учётом специфики действующих здесь формальных законодательных правил и процедур.

Причины возникновения проблемы

Следует констатировать, что реформы в сфере государственных закупок проводившиеся в 1997-2004 г.г. фактически спровоцировали рост коррупции в этой сфере. На фоне ухудшения качества государственного управления (по качеству государственных институтов Россия находится на 114 месте из 125 стран в рейтинге конкурентоспособности Всемирного экономического форума) в ходе проведения радикальных реформ возрос масштаб злоупотреблений со стороны госслужащих. В сфере государственных закупок это происходило по ряду конкретных причин институционального характера:

1. Поскольку институт госзакупок был импортирован институциональной структуры развитых стран, то нормативно-законодательные акты, регулирующие отношения в сфере госзакупок, по своей форме воспроизвели стандартные нормы, установленные в этих странах. Так, президентский Указ № 305, вступивший в силу в мае 1998 г., впервые в современной России законодательно определил порядок проведения конкурсных процедур государственных закупок. Однако этот указ практически дословно воспроизводил типовой международный закон *Unsitral*, представляющий собой своеобразный международный стандарт для нормативных актов, регулирующих сферу государственных закупок и рекомендуемый ООН в качестве именно стандартного регламентирующего акта в этой сфере. Данным документом совершенно не учитывалась российская специфика.

2. Законодательство в сфере размещения госзаказа в период до 2005 г., в целом, отличалось неполнотой и непоследовательностью [9]. Например, фактически сосуществовали ряд законодательно-нормативных документов (Указ 305, Закон 97-ФЗ, региональные и местные нормативно-законодательные акты (НЗА), в которых содержались взаимно трудно согласующиеся, а порой и противоречивые нормы. Кроме того, ряд положений, прописанных в этих НЗА, не имели механизма реализации, что позволяло чиновникам их игнорировать, выступая негативным прецедентом в данной сфере. Так, ст. 5 Закона 97-ФЗ, согласно которой, заказчики обязаны были закупать продукцию только у производителей, была сформулирована недостаточно четко, что и позволяло её игнорировать заказчикам. В целом многие из законодательных положений вследствие некорректных формулировок допускали неоднозначное толкование, что позволяло чиновникам трактовать их в свою пользу, видоизменяя процедуры закупок. Причём даже на уровне федеральной власти имелись принципиальные расхождения в трактовках правоприменительной практики отдельных НЗА и положений. Эта неоднозначность также способствовала росту коррупционной практики [10].

3. Наконец, распространение конкурсных процедур некоторые проце-

дурные этапы которых, с одной стороны, были недостаточно чётко законодательно регламентированы, а с другой, допускали возможность реализации субъективных предпочтений государственных чиновников, ориентированных на присвоение административной ренты, при выборе победителя, также имело существенные негативные эффекты. Использование нечётких квалификационных требований, которые заказчики могли произвольно толковать в свою пользу, излишне ужесточая или смягчая их, критериев оценки качества и квалификации, которые также свободно устанавливались заказчиками при проведении закупочных процедур, - все это расширяло пространство для манипуляций результатами конкурсных закупок. Безусловно, в сфере оценки критериев и применения квалификационных требований существуют объективные сложности, детерминированные качественной неоднозначностью этих параметров [5, с.207]. Опыт показывает, что качество поставляемой продукции, зачастую, не соответствует декларируемым критериям, а квалификация участников торгов также оценивалась неадекватно [4].

В конечном счёте, это приводило к тому, что заказчики получили широкое поле для свободы действия в главном вопросе – в выборе победителя, т.е. конкретного поставщика, с которым заключается контракт на закупки для государственных и муниципальных нужд. Особенности национального менталитета, слабость государства в условиях переходного периода способствовали росту коррупции.

Традиционно более высокая для России склонность госслужащих к коррупционным действиям по сравнению с развитыми странами, наряду с проблемным законодательством, провоцировали высокий уровень коррупции в сфере госзакупок [8]. Рост коррупционных отношений начала и середины 1990-х годов не затормозился радикальной реформой системы государственных закупок на её первом этапе. Более того, полагаем, что именно вследствие указанных выше причин коррупционные процессы получили дальнейшее развитие, наряду с проводимыми реформами госзакупок. Законодательство в этой сфере, импортированное из практики развитых стран, было нацелено на предотвращение коррупции и не предполагало оппортунистического поведения госзаказчиков в процессе использования стандартных процедур, например, оценки квалификации и качества покупаемой продукции, как это произошло, однако, в России. Новационный институт рыночного механизма осуществления бюджетных закупок внедрялся в условиях отсутствия системы налаженного контроля в этой сфере. Наконец, в России отсутствовали как формальные, так и неформальные стандартные нормы и правила поведения госслужащих, нацеленные на реализацию общественных интересов и осуществление эффективных, экономящих бюджетные средства закупок. Декларирование критериев экономии и эффективности использования бюджетных средств на федеральном уровне не входило в систему интересов чиновников более низких уровней властной вертикали, не стимулировалось, слабо контролировалось и не реализовывалось в связи с недостатком квалификации госслужащих в решении таких вопросов [7], в силу чего практика

коррупционных действий получила широкое распространение на всех уровнях системы бюджетных закупок.

Новый этап реформы

Осложнение ситуации в системе государственных закупок потребовало проведения нового этапа ее реформирования на основе углубления рыночных принципов функционирования института госзакупок, что потребовало в первую очередь адаптации законодательства к российским реалиям, его ужесточения с целью ограничения возможностей госслужащих по свободной интерпретации правоприменительных норм. Новое законодательство (Закон 94-ФЗ) [2] обеспечивает приоритет аукционов как основной закупочной процедуры по сравнению с конкурсами. Кроме того, при проведении конкурсов использование таких нечетких критериев, как качество и квалификация жёстко лимитировалось. Новый закон устранил множество противоречий и неоднозначных положений, связанных с проведением формальных закупочных процедур, упорядочил, регламентировал и ужесточил контроль в сфере размещения госзаказа. Реально заработала процедура досудебного обжалования действий заказчиков, а сами закупочные процедуры стали более открытыми и прозрачными благодаря размещению необходимой информации в сети Интернет, а также снятию излишних ограничений допуска поставщиков к участию в этих процедурах.

Однако подобные законодательные изменения наряду с положительным эффектом усиления четкости и жесткости регламентации закупочных норм, практически исключая возможные злоупотребления без фиксации формальных нарушений, одновременно характеризуются и обратными последствиями. Это проявляется в снижении эффективности проведения определённых видов закупок, а в некоторых случаях – в четком тестировании склонности чиновников к профанации достижения эффективного результата вообще. Типичным примером этого являются подрядные аукционы.

Проблемы проведения подрядных аукционов

Как известно, проведению подрядной закупки предшествует составление проектно-сметной документации, определяющей структуру и величину цены закупки в связи, прежде всего, с соблюдением технологических норм выполнения подрядных работ, что должно обеспечить впоследствии безопасность эксплуатации объекта.

Однако сложившаяся практика проведения аукционов приводит к тому, что в них побеждает участник, предложивший наименьшую цену, хотя предел снижения цены ничем не ограничивается. Естественно, это провоцирует высокую степень вероятности демпингового снижения цен. Поскольку доступ к участию в подрядных аукционах открыт для любого участника, имеющего соответствующую лицензию (которые отменяются с 2009г.), то в процедурах торгов возможно участие подрядчиков, не отличающихся контрактной дисциплиной. Снижение ими цены до демпинговых значений без достоверной оценки ее способности покрыть необходимые издержки на

уровне хотя бы безубыточности стало повсеместной практикой обеспечения победы в торгах. Объективным следствием этой институциональной практики выступает оппортунизм подрядчиков, стремящихся изменить условия контракта, в том числе его цену в ходе проведения работ, снижение качества используемых ими материалов и нарушение технологических норм и т.д. [3, с.67; 5, с.206-208].

Вероятность того, что такая модель поведения подрядчиков институционализируется как массовая практика, достаточно велика, особенно на первом этапе введения обязательности проведения подрядных аукционов с 1 января 2008 г. Во-первых, осознание подрядчиками неэффективности оппортунистического поведения возможно лишь по истечении определённого периода практики проведения подрядных аукционов – не менее двух-трех лет. Во-вторых, даже осознание приоритетности ответственного контрактного поведения большинством подрядчиком не исключает появления новых «случайных» участников в рамках открытой аукционной процедуры, которые будут воспроизводить указанные модели оппортунистического поведения и в дальнейшем. Это позволяет прогнозировать сохранение проблемности проведения подобных закупок в среднесрочном периоде, что объективно требует пересмотра соответствующих законодательных норм.

Однако следует отметить, что законодатель находится в заведомо неоптимальной ситуации. Установление жёстких законодательных норм, обуславливающих, например, возникновение указанных проблем в сфере подрядных закупок, является оборотной стороной борьбы с коррупцией. Смягчение этих нормативных положений приведёт к расширению коррупционной практики. Очевидно, что из двух зол приходится выбирать меньшее, и коррупция признаётся как раз этим более опасным для общества злом.

Ответственность в сфере размещения заказа

Современное законодательство в сфере размещения госзаказа, принятое после 2005 г., на наш взгляд, обеспечивает достаточно жёсткую регламентацию деятельности заказчиков, не оставляющую им возможности для коррупционного поведения без формального нарушения законодательных норм. Однако встаёт вопрос о санкциях, которым будут подвергаться нарушители закона. К важным изменениям в сфере размещения госзаказа следует отнести усиление ответственности через увеличение штрафных санкций, утверждённых изменениями, внесенными в Кодекс об административных правонарушениях [1]. Утверждённый в 2006 г. перечень таких нарушений в сфере размещения госзаказа стал более актуальным для госслужащих в связи с резким ростом размеров штрафов в 2007 г. – в среднем они выросли почти на порядок - с 5-10 тыс. до 30-100 тыс. руб., а для организаций штраф вырос ещё значительно. В Кодексе перечислены примерно два десятка случаев нарушений, предполагающих вынесение штрафных санкций. Причём эти нарушения являются в основном типичными для ситуаций, которые могут создать заказчики, стремясь к обеспечению преференций конкретному участнику. Например, речь идет о нарушениях установленного порядка

оценки заявок или проведения аукциона, нарушениях порядка и сроков публикации информационных материалов и рабочих документов в официальном печатном органе или размещении их в сети Интернет, либо публикации (размещении) такой информации в неполном объёме, предоставлении недостоверной информации и т.д. Конечно, в Кодексе перечисляются и иные наказуемые случаи, в частности, для ситуаций, когда заказчики пытаются разместить заказ посредством более простых способов закупок (котировок или у единственного поставщика) без проведения торгов, несмотря на требования законодательства. Однако, по нашему мнению, антикоррупционная направленность перечисленных норм всё-таки четко прослеживается.

Однако эти санкции будут работать только в том случае, если значительная часть нарушений неотвратимо фиксируется уполномоченными по контролю органами, прежде всего, Федеральной антимонопольной службой РФ, имеющей полномочия применять данные административные санкции. Нарушения должны выявляться в ходе проведения плановых и внеплановых проверок, которые могут инициироваться, как правило, в связи с поступающими от участников размещения заказа жалобами на действия заказчиков.

Эффективность механизма санкций

Очевидно, гарантировать, что ужесточение законодательных норм, наряду с упорядочиванием и усилением административных санкций в сфере размещения госзаказа, станет надёжной профилактикой коррупции в этой сфере, даже при выявлении значительного числа имеющих место нарушений, достаточно сложно.

Возможности для злоупотреблений закладываются уже на этапе планирования закупок, в процессе формирования начальных цен контрактов. Государственные служащие, конечно, не обладают способностью предвидеть уровень цен, который будет установлен на рынках через год – два, поскольку при составлении бюджета они вынуждены прогнозировать будущие бюджетные расходы примерно на этот срок. Не вменяется им в обязанность и корректировка начальной цены непосредственно перед началом проведения закупочных процедур, в связи с чем начальная цена контракта может не совпадать с выделенной суммой финансирования. Хотя экономико-социологические опросы, проводимые среди государственных и муниципальных служащих Южного Федерального округа (свыше 90 % выборки - Ростовская область и Республика Дагестан) показали, что лишь 37,5 % респондентов отказываются сопоставлять начальную цену контракта с рыночными ценами. Соответственно 41,7 % респондентов указали, что главным методом определения цены для них является сопоставление цены закупки с ценой закупки продукции в прошлом периоде с поправкой на инфляцию. Остальные респонденты с различной периодичностью склонны осуществлять маркетинговые обследования рынков, получая из различных источников информацию о рыночных ценах, и сопоставлять с ними устанавливаемые начальные цены контракта. Таким образом, в практике работы бюджетных учреждений при формировании начальных цен всё большее распространение получает ори-

ентация на рынок, хотя такое поведение госзаказчиков ещё не стало общепринятой нормой.

Полагаем, тем не менее, что практика коррупционных договорённостей и в сфере ценообразования получила широкое распространение, превратившись в норму для целых регионов и отраслей социальной сферы. Известны даже «нормальные» ставки «отката» - принятые процентные отчисления от величины заказа в пользу руководителей государственных или муниципальных структур, колеблющиеся в пределах от 10 до 20 %, а иногда и выше. Однако, на наш взгляд, Закон 94-ФЗ создал некоторые предпосылки снижения устойчивости этой практики посредством повышения степени транспарентности, открытости системы госзаказа. Любой поставщик через Интернет может узнать о проводящихся закупочных процедурах и принять участие в них, при этом у заказчиков практически отсутствуют способы законного ограничения доступа к участию в торгах «посторонних» поставщиков. Если участник торгов хорошо знаком с нормами действующего законодательства в сфере размещения заказа, то он легко может обнаружить нарушения со стороны заказчика, сообщив о фактах нарушения уполномоченному по контролю органу. Кроме того, в случае победы участник закупочной процедуры может отказаться от достижения коррупционной договорённости с заказчиком, и в этом случае отказ от заключения контракта со стороны заказчика также будет очевидным нарушением законодательства.

Моделирование поведения госслужащего исходит из неоклассической предпосылки о его нацеленности на максимизацию индивидуальной, в данном случае коррупционной, полезности (выгоды) при заключении государственного (муниципального) контракта. Очевидно, в рамках неоклассического подхода чиновник принимает (или инициирует) теневую сделку лишь при условии, что его выгода превышает величину возможных издержек, в качестве которых выступают в современных условиях штрафные санкции и отстранение от должности. Абстрагируясь от криминальных коррупционных сделок, влекущих гораздо более значительные потери для чиновников вследствие ничтожного количества раскрытых случаев на фоне общей массовой институциональной практики теневизации экономических связей в России, следует отметить, что они также должны учитываться при проведении более детального анализа.

Поскольку совершение теневых сделок непрозрачно, а число их раскрытий ничтожно, то контролирующие органы осуществляют профилактику подобных правонарушений косвенно, посредством фиксации процедурных нарушений при размещении госзаказа и применяя штрафные санкции по этим фактам. Это означает, что даже при отсутствии возможности непосредственного раскрытия теневых сделок, контролирующие органы способны косвенно повлиять на их динамику посредством штрафных санкций по фактам нарушения процедур, зафиксировать которые достаточно легко. Таким образом, штрафные санкции оказывают лишь косвенное влияние на состояние теневых коррупционных сделок.

Графическое представление взаимосвязи объёмов размещаемого заказа

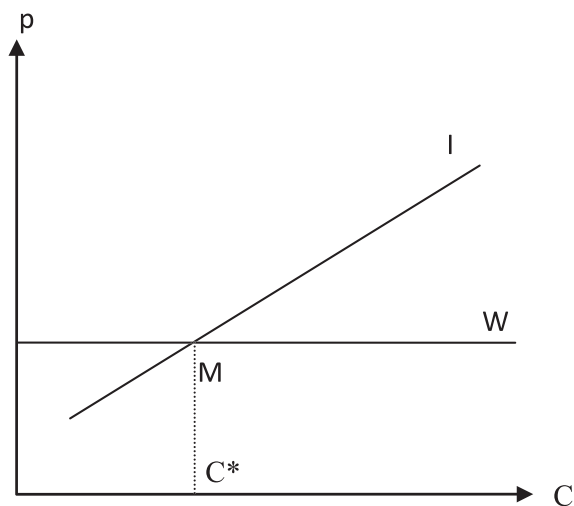

Рис. 1 - Определение минимальной границы заключения теневых сделок

теневому доходу чиновника позволяет идентифицировать минимальную границу заключения теневых сделок с участниками торгов. Отложим по оси абсцисс значения объёмов размещаемого заказа (C), процент от суммы которого составляет теневой доход служащего, а по оси ординат - величину теневому доходу, либо, соответственно, денежных потерь от штрафов при нарушении формальных норм процедуры закупки (p).

Линия W на рис. 1 графически отражает функцию издержек чиновников, связанных с выплатой штрафов за нарушение процедур размещения бюджетных заказов. Горизонтальное положение этой линии обусловлено тем, что размер установленных штрафов является стандартным вне зависимости от величины сделки (цены контракта). Линия I – график функции теневому доходу госслужащего, измеряемого нами в процентах от величины заказа, т.е. это графическое представление функции административной ренты («отката»). Очевидно, абсолютная величина административной ренты объективно возрастает при увеличении объёмов заказа. Как представлено на рис. 1, пересечение указанных линий в точке равновесия M показывает, что при превышении величины закупки некоторых пороговых значений (C^*) чиновник оправданно может идти на нарушение установленных формальных процедур, поскольку выгода от «комиссионных» при совершении теневой сделки превышает величину уплачиваемых штрафов.

Следовательно, штрафные санкции позволяют ограничить склонность госслужащих к совершению теневых сделок лишь при сравнительно небольших суммах размещения госзаказов, когда теневой доход или административная рента ниже размеров штрафных санкций. Но при более значительных размерах закупки чиновники могут сознательно идти на совершение нарушений, поскольку полученная выгода компенсирует потери от штраф-

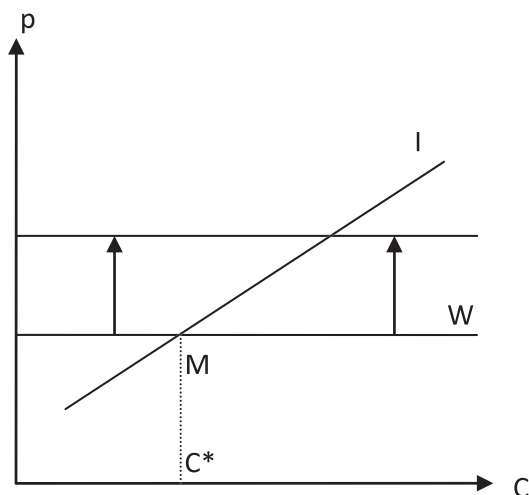

Рис. 2 Эффект штрафных санкций на минимальную границу заключения теневых сделок

ных санкций.

Перемещение линии W вверх-вниз (рис. 2) обусловлено лишь количеством нарушений, которые допускает организация при размещении заказа. Так, увеличение количества нарушений автоматически ведет к росту издержек для чиновников и организации, поскольку увеличивает совокупную величину штрафов. На рис. 2 это отражается перемещением точки пересечения линий теневого дохода и величины штрафа вправо вверх, что увеличивает нижнюю предельную сумму заказа, при которой коррупционное поведение экономически оправдано (рис. 2). В этих условиях, очевидно, существенную роль играет компетентность чиновников в сфере теневых сделок, обеспечивающая выбор «нужного» поставщика при наименьшем числе нарушений, так как такая компетентность снижает «цену» допускаемых нарушений, а, следовательно, и минимальный уровень заказа, оправдывающий заключение теневых сделок.

Конечно, в рамках предложенной графической модели можно проиллюстрировать возникновение и иных ситуаций. Например, ужесточение законодательства, а также рост штрафных санкций может повлиять на увеличение «административной ренты» чиновников. Графически это приведёт к смещению линии I влево вверх и соответственно к снижению предельной границы получения теневого дохода. На практике получает распространение рост доли таких «рентных» платежей относительно заказа, что, на наш взгляд, обусловлено повышением риска нарушения ужесточающегося законодательства наряду с сохранением склонности чиновников к присвоению теневых доходов, в том числе при размещении сравнительно небольших заказов.

Оценка абсолютной величины минимальной границы заключения тене-

вых сделок при размещении госзаказа показывает, что если доля административной ренты («отката») составляет 10 %, то при условии совершения одного нарушения, обеспечивающего выбор требуемого поставщика, издержки от такого нарушения будут колебаться в пределах 50-200 тыс. руб. Минимальный размер заказа (C^* на рис. 1) соответствует предельной границе теневых доходов (W), совпадающей с размером штрафных санкций, которые придётся заплатить в обмен на возможность присвоения административной ренты. Минимальный размер заказа в этих условиях колеблется в пределах 500-2000 тыс. руб. Это та величина госзаказа, при которой экономически оправдано получение административной ренты. Если размер административной ренты вырастет до 20 % (например, у субподрядчиков в городе Ростов-на-Дону), то минимальная величина «коррупционного» заказа снизится до 300-1000 тыс. руб.

Существенным фактором, который должен учитываться в предложенной модели, выступает степень жёсткости контроля в сфере размещения госзаказа. Очевидно, контролирующие структуры не способны зафиксировать все имеющие место нарушения, поскольку это возможно при создании автоматической интеллектуальной системы проверки и контроля, которое при современном уровне развития информационно-коммуникационных технологий вполне возможно. К тому же, информация об основных объёмах госзакупок, проводимых в стране, переводится в электронный формат и открыта в сети Интернет в свободном доступе.

Очевидно, как и любая экономико-теоретическая модель, предложенная графическая модель имеет существенные ограничения. Так, она не будет репрезентативной, если в обществе сформировалась устойчивая институциональная практика массовой выплаты административной ренты, с которой согласны все потенциальные поставщики, готовые участвовать в процедурах размещения госзаказа. Трудно оценить, каковы масштабы распространения этой нормы в российских госструктурах различного уровня вследствие отсутствия достоверной информации. Однако, на наш взгляд, при незначительных объёмах закупок, – как показано выше, 300-500 тыс. руб. (что соответствует границе проведения закупок методом котировок - 500 тыс. руб. по действующему законодательству), размер получаемой чиновником выгоды недостаточен для стимулирования заключения теневой сделки. Причина этого в том, что существуют также своеобразные издержки по сохранению конфиденциальности сделок, и для малых объёмов закупок они могут быть несопоставимы с получаемой административной рентой.

Таким образом, введение штрафных санкций, даже достаточно значительных размеров, само по себе не является эффективным средством профилактики коррупции в сфере размещения госзаказа. В лучшем случае, если практика взимания административной ренты ещё не стала массовой институциональной нормой в той или иной сфере или регионе, подобные меры способны остановить коррупционную практику при закупке продукции методом котировок (до 500-1000 тыс. руб.). При условии организации эффективного контроля, позволяющего реагировать на значительное число имею-

ших место нарушений, минимальная граница заключения теневых сделок может несколько вырасти - до 2 млн. руб. Учитывая планы правительства поднять предельный максимальный размер закупки для метода котировок до 1 млн. руб., можно заключить, что такая минимальная граница будет немногим выше максимального размера закупки методом котировок, причем, при условии, что контроль в этой сфере будет эффективным, а санкции будут применяться в большинстве случаев нарушений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс об административных правонарушениях РФ. - М., 2005.
2. Федеральный Закон «О размещении заказов на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21.07.2005 № 94 – ФЗ.
3. Антонов Д. Г. О размещении заказов на выполнение строительных работ на аукционах // Госзаказ. – 2007. - № 10 (октябрь/декабрь). – С. 66 – 71.
4. Белокрылова О. С., Горшкова А. Ю. Конкурсная система государственных закупок на Юге России и её роль в борьбе с коррупцией // Материалы международной научно-практической конференции «Борьба с коррупцией на Юге России как системная проблема. Препятствия и стратегии». – Ростов н/Д.: ЦПИИС, 2001. – С. 92 – 123.
5. Белокрылова О.С. и др. Инновационные технологии в размещении государственных и муниципальных заказов. – Ростов н/Д.: Содействие XXI век, 2008.
6. Бьюкенен Дж. М. Сочинения. – М.: Таурус Альфа, 1997.
7. Гуцелюк Е. Ф. Роль системы подготовки специалистов по государственным закупкам в повышении эффективности использования бюджетных средств // Материалы международной научно-практической конференции «Борьба с коррупцией на Юге России как системная проблема. Препятствия и стратегии». – Ростов н/Д.: ЦПИИС, 2001.
8. Из госзаказа «утекло» 300 миллиардов // Известия. - 22.12.2006. - № 238. – С. 6.
9. Корытцев М. А. Проблемы законодательного обеспечения сферы государственных закупок // Материалы международной научно-практической конференции «Борьба с коррупцией на Юге России как системная проблема. Препятствия и стратегии». – Р-н/Д., ЦПИИС, 2001. – С. 153 – 159.
10. Корытцев М. А. Этика госзакупок: коррупция и механизмы её профилактики // Совершенствование системы бюджетных закупок. Материалы итогового семинара по проекту «Региональная система бюджетных закупок». – М.: ООО «Компания Мюрэл», 2005.
11. Нисканен В. А. Особая экономика бюрократии. / Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. Т. 4. – СПб.: Экономическая школа. 2004. – С. 477 – 494.
12. Нисканен В. А. Пересмотр. / Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. Т. 4. /Под общ. ред. А. П. Заостровцева. – СПб.: Экономическая школа. 2004. – С. 537 – 560.
13. Нуреев Р. М. Теория общественного выбора. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005.
14. Олсон М. Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп. – М.: Фонд экономической инициативы, 1995.
15. Таллок Г. Потери благосостояния от тарифов, монополий и воровства. / Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. Т. 4. – СПб.: Экономическая школа. 2004. – С. 435 – 448.
16. Фурботн Э. Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: достижения новой институциональной экономической теории – СПб: Издат. Дом Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2005.